
ТАКСИС
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Том 1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

**ТАКСИС В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ
ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Коллективная монография

Том I

Ответственные редакторы

В. С. Храковский и Адриан Барентсен

Издательский Дом ЯСК
Москва
2024

УДК 811.16
ББК 81.41
Т 15

Утверждено к печати Ученым советом
Института лингвистических исследований РАН

Рецензенты

проф. Санкт-Петербургского государственного университета, д.ф.н., проф.
Е. Ю. Иванова
гл.н.с. Института лингвистических исследований РАН, д.ф.н., проф.
А. Н. Соболев

Т 15 **Таксис в славянских языках.** Типологический анализ. Том I / Отв. ред.
В. С. Храковский, А. Барентсен. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. —
832 с.

ISBN 978-5-907498-75-4

Коллективная монография «Таксис в славянских языках. Типологический анализ» содержит подробное описание функционально-семантической категории таксиса в современных славянских языках с позиций генетической типологии. В главах монографии представлено подробное описание средств выражения функционально-семантической категории «таксис» почти во всех современных славянских языках с литературной нормой, а также в молизско-славянском «микроязыке». Все главы опираются на единую теоретическую концепцию таксиса и написаны по общему плану.

Издание предназначено для специалистов в области славянских языков, лингвистов-типологов, специалистов по общему языкознанию.

УДК 811.16

© Институт лингвистических исследований РАН, 2024
© Коллектив авторов, 2024
ISBN 978-5-907498-75-4 © А. Холодилова, художественное оформление, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ I

Предисловие	7
Введение	9

Раздел 1. Восточнославянские языки

Таксис в русском языке	23
Таксис в украинском языке	254
Таксис в белорусском языке	371

Раздел 2. Западнославянские языки

Таксис в польском языке	485
Таксис в чешском языке	642
Таксис в словацком языке	705
Таксис в верхнелужицком языке	776

ТОМ II

Раздел 3. Южнославянские языки

Таксис в словенском языке	9
Таксис в сербском языке	88
Таксис в македонском языке	194
Таксис в болгарском языке	275

Раздел 4. Славянские микроязыки

Категория таксиса в молизско-славянском языке	389
Заключение	473
Сокращения и глоссы	552
Библиография	556

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография содержит достаточно подробное описание функционально-семантической категории таксиса в современных славянских языках с позиций генетической типологии, иначе характерологии. В основу монографии положена таксисная концепция, апробированная на материале языков различной типологии в работе [Храковский 2009], ср. [Xrakovskij 2016].

Монография содержит *Введение*, четыре раздела и *Заключение*.

Во *Введении* излагается исходная теоретическая база предпринятого исследования, отмечаются особенности базового подхода, принятого в Ленинградской/Петербургской типологической школе и воплощенного в целом ряде коллективных монографий, предлагается определение функционально-семантической категории таксиса и излагается план, по которому будет описываться категория таксиса в конкретных славянских языках.

Далее следуют три раздела, которые соответствуют принятой региональной классификации славянских языков. Первый раздел посвящен восточнославянским языкам и включает три главы: *Глава 1* Таксис в русском языке (А. Барентсен и Н. В. Зорихина-Нильссон), *Глава 2* Таксис в украинском языке (Л. Попович), *Глава 3* Таксис в белорусском языке (Н. В. Супрунчук). Второй раздел содержит западнославянские языки. В этом разделе четыре главы: *Глава 4* Таксис в польском языке (И. Лучкув), *Глава 5* Таксис в чешском языке (Я. Паневова, А. Барентсен), *Глава 6* Таксис в словацком языке (Д. Ю. Вашенко), *Глава 7* Таксис в верхнелужицком языке (Л. Шольце). В третьем разделе представлены южнославянские языки. Он содержит четыре главы: *Глава 8* Таксис в словенском языке (М. Нильссон, А. Барентсен и А. Дерганц), *Глава 9* Таксис в сербском языке (Л. Попович), *Глава 10* Таксис в македонском языке (М. Миркуловска), *Глава 11* Таксис в болгарском языке (Р. Ницолова, А. Барентсен)¹. Последний, четвертый, раздел включает только одну главу. Это *Гла-*

1 К сожалению, в монографии отсутствует глава, посвященная таксису в хорватском языке. Однако, насколько мы можем судить, категория таксиса в хорватском языке мало чем отличается от категории таксиса в сербском языке, представленном в книге.

ва 12 (В. Брой), в которой наряду с большим теоретическим экскурсом дается характеристика таксиса в молизско-славянском языке. Этот язык в течение нескольких веков существует в итальянском окружении и, сохраняя базовую славянскую (хорватскую) грамматику, приобрел ряд новаций, определяемых влиянием итальянского языка².

Итоги проведенного исследования подводятся в *Заключении*, где рассматриваются наиболее существенные типологические особенности различных славянских языков, выявленные авторами коллективной монографии.

Авторами всех глав монографии являются специалисты по данным языкам и большей частью носители этих языков. Они специально подготовили описания таксисных конструкций для этой монографии. А. Е. Кибрик называет такой способ организации работы «методом группового типологического исследования» и отмечает, что «такая стратегия типологического исследования была разработана и многократно успешно применена ленинградской типологической школой» [Кибрик 2010: 19].

Давая краткую характеристику коллективной монографии, нужно отметить, что составляющие ее статьи по существу являются первыми относительно полными, а подчас даже исчерпывающими описаниями таксисных конструкций в рассматриваемых славянских языках. Все они опираются на единую концепцию таксиса и в принципе написаны по общему плану, который представлен во *Введении* к монографии. Статьи были придирчиво прочитаны редакторами, которые старались добиться сравнимого уровня информации о наиболее важных таксисных конструкциях в исследуемых языках. Поэтому порой были предложены определенные изменения в первоначальный текст статей. При этом было использовано немало примеров из Амстердамского параллельного корпуса А. Барентсена.

Редакторы монографии искренне благодарны корректору В. В. Салию за исключительно квалифицированную правку текста.

Члены авторского коллектива хорошо понимают, что в представленный текст могли вкрасться неточности и даже ошибочные суждения, поэтому они будут рады любым замечаниям и поправкам, которые могут возникнуть у читателей этой коллективной монографии.

2 Теоретический экскурс, приведенный в этом разделе, избавляет нас от необходимости подробно рассматривать во *Введении* существующие концепции таксиса.

ВВЕДЕНИЕ

Мы начинаем Введение к этой коллективной монографии с изложения наших исходных теоретических представлений.

Родственные языки, которые входят в одну семью, и в частности славянские языки, обычно служат предметом изучения в сравнительно-историческом языкознании. Как известно, славянские языки представляют собой эмпирически выделяемое конечное множество родственных (дочерних) языков, которые исторически восходят к одному общему источнику — материнскому языку. Основной метод исследования, используемый сравнительно-историческим славянским языкознанием, — индуктивно-гипотетический, а полученные в ходе исследования результаты имеют объяснительную силу только по отношению к анализируемым языкам. Основная цель исследования состоит в том, чтобы выявить те пути, по которым произошло развитие дочерних языков из материнского языка.

Также отдельные славянские языки, функционирующие вместе с другими языками, не входящими в славянскую группу, в определенном географическом ареале, могут служить предметом исследования в ареальном языкознании, см. напр. [Цивьян 1966]. Метод исследования в ареальном языкознании тоже индуктивно-гипотетический, и полученные результаты, естественно, имеют объяснительную силу только по отношению к анализируемым языкам, образующим т. н. языковые союзы. Основная цель такого исследования — выявить общие структурные черты, присущие языкам, входящим в союз, которые могли появиться у этих языков, поскольку они в течение длительного исторического периода соседствовали, сталкивались и влияли друг на друга в одном ареале, установить причины структурного сближения и предсказать дальнейший путь развития структуры этих языков.

Кроме того, славянские языки, как и любые другие языки, могут изучаться типологическим языкознанием. Естественно полагать, что исходным пунктом любого типологического исследования тех или иных языковых феноменов служит ясное понимание того, какое понятие подводится под термин *типология*. В этой работе мы исходим из того, что типология — это лингвистическая дисциплина, изучающая наиболее общие языковые закономерности, которые не зависят от генетических и ареальных свойств конкретных языков и кото-

рые позволяют классифицировать языки по различным параметрам. Современная типология представлена различными научными направлениями, которые отличаются друг от друга и по объекту исследования, и по методам исследования, и по ближайшим конкретным результатам, и по перспективным целевым установкам.

Вместе с тем объект исследования и методы его исследования тесно связаны друг с другом, ибо «в целом реальность исследуемого объекта неотделима от метода, посредством которого ее определяют» [Бенвенист 1974: 434]. Иными словами, наше видение объекта возникает сквозь призму действия некоторой системы гипотез об устройстве и функционировании изучаемого объекта. Фактически мы видим то, что знаем, т. е. руководствуемся определенной теорией и предлагаемым ею методом исследования конкретного объекта, которые и отвечают за то, каким исследователь видит изучаемый объект [Храковский 1994]. За исследователем, разумеется, остается право выбора теории, но если выбор сделан, то уже теория диктует правила игры. Теория может быть эксплицитно изложена, но может оставаться имплицитной, она может быть внутренне непротиворечивой, но может быть и эклектичной, она может быть формализованной в той или иной степени, а может быть и неформализованной. Наконец, она может отчетливо осознаваться либо может оставаться в какой-то мере и неосознанной, но она должна быть.

Весь вопрос в том, какая теория наиболее приемлема для типологически ориентированного описания тех или иных языковых феноменов. Для нас очевидно одно: такая теория должна быть универсальной, т. е. включающей в сферу своего действия любой конкретный язык, хотя, разумеется, каждая отдельная типологическая работа учитывает данные заведомо ограниченной эмпирической выборки, ибо всего в настоящее время, по разным оценкам, существует от пяти до семи тысяч языков, многие из которых вообще не описаны и потому не могут быть включены ни в какую эмпирическую выборку.

Абстрактный предмет исследования требует и абстрактного метода, поэтому в типологии в основном используется гипотетико-дедуктивный метод. Главная цель исследования в типологии состоит в том, чтобы, работая с ограниченным множеством конкретных языков, выявить закономерности (правила и исключения), которые присущи Языку вообще и тем самым не детерминируются ни генетическими, ни ареальными особенностями конкретных языков.

Из сказанного вытекают следующие принципиально важные выводы. Любые теоретические положения, выдвигаемые в типологической работе, остаются эмпирически не проверяемыми, т. е. не могут

быть верифицированы, поскольку мы до сих пор даже точно не знаем, сколько живых языков имеется в настоящее время в мире, не говоря уже об исчезнувших языках и о тех языках, которые могут возникнуть в будущем. К тому же мы, откровенно говоря, не до конца представляем себе, какую выборку языков (20, 30, 100, 500) можно считать необходимой и достаточной для того, чтобы сделанные утверждения обладали хотя бы минимальной объяснительной силой?³

Разумеется, чем больше выборка, в которой при этом представлены языки, отличающиеся друг от друга генетически и ареально, тем надежнее типологически релевантные результаты, хотя нельзя забывать, что обычно эти результаты опираются на описания языков, которые не принадлежат исследователю выборки, и при этом вопрос об адекватности этих описаний остается открытым. А. Е. Кибрик предложил называть подобный метод получения информации методом вторичных языковых данных [Кибрик 2010]. Но самое важное заключается в том, чтобы интересующий исследователя лингвистический объект, представленный в языках выборки, был исчерпывающим образом описан в рамках концепции, на которую исследователь опирается в своей работе. Дело в том, что хорошие и подробные описания различных языков, выполненные в рамках других концепций, могут либо вообще не отвечать на вопросы, интересующие данного исследователя, либо давать ответы, не адекватные с позиции его теории.

Сказанное нуждается в одном принципиальном уточнении. До сих пор мы говорили об общей (внегенетической, экстрагенетической) типологии. Вместе с тем, наряду с общей типологией и как ее важная часть, существует и типология родственных языков (генетическая, или интрагенетическая, типология; другой термин — характеристология), которая, начиная, пожалуй, с Гринберга [Greenberg 1969, 1995], служила предметом исследования в целом ряде отечественных и зарубежных работ, см., например, [Кибрик 1992, 2003], [Kibrik 1998], [Maslova 2000], [Nichols 2003], [Bickel 2008, 2013]. Наряду с очевидной теоретической неполнотой результатов, полученных в рамках генетической типологии, она обладает и рядом очевидных методических преимуществ. Прежде всего, в каждую семью в данный момент времени входит определенное, конечное и относительно небольшое количество языков. Следовательно, в распоряжении исследователя имеется **полная** выборка языков, представляющих дан-

³ Насколько нам известно, на сегодняшний день наибольшая выборка (1228 языков) представлена в работе, посвященной порядку основных элементов предложения [Dryer 2008].

ную семью. Далее, существует довольно много семей, все языки которых описаны достаточно хорошо и подробно. К тому же если в описаниях конкретных языков исследователь не может найти ответы на интересующие его вопросы, он может получить необходимые сведения в процессе работы с информантами. Кроме того, исследователь может учитывать и данные мертвых языков, входящих в конкретную семью, если существует достаточное количество текстов на этих языках.

Эмпирическая полнота выборки детерминирует отбор тех языковых феноменов, которые наиболее успешно могут быть исследованы в рамках генетической типологии. Прежде всего, могут быть рассмотрены и детально охарактеризованы все варианты одного и того же языкового феномена (скажем, парадигмы видовременных форм глагола или какой-либо семантико-синтаксической конструкции), представленные во всех языках выборки. Соответственно, может быть предложено объяснение тех причин, которые привели к существующему варьированию, и реконструировано исходное состояние данного феномена. Кроме того, во время дивергентного и неравномерного развития отдельных языков из общего источника нельзя исключить смену языкового типа хотя бы у одного или нескольких родственных языков. Таким образом, анализ исторического развития разных языков одной семьи создает наиболее надежную базу для создания типологии языковых изменений, включающей и прогноз тех изменений, которые могут произойти в будущем.

Далее, как уже было сказано выше, языки одной семьи могут относиться к разным ареалам, в которых они контактируют с языками других семей, нередко образуя с ними языковые союзы, для которых, как уже отмечалось, характерны как общие структурные черты, так и общая тенденция развития в определенном направлении. Столкновение и совместное развитие неродственных языков создает благоприятную базу для возникновения таких изменений, которые являются типологически значимыми. Все сказанное позволяет считать, что типология родственных языков, иначе характерология, является важной частью общей типологии, а в родственных языках могут быть обнаружены типологически значимые различия. Предлагаемая коллективная монография как раз и представляет собой попытку подтвердить данное утверждение на материале славянских языков. Непосредственным объектом исследования служат таксисные конструкции.

Первый вопрос, на который нам надлежит ответить, когда мы приступаем к подобному исследованию, может быть сформулирован следующим образом. Какие эмпирические факты различных славян-

ских языков соответствуют концепту ‘таксисная конструкция’? Отвечать на этот и подобные вопросы, в принципе, можно двумя способами. Во-первых, как это обычно и делается, можно начать с определения концепта, если его, разумеется, можно определить, а затем привести примеры, подводимые под этот концепт. Во-вторых, можно начать с предъявления примеров, с нашей точки зрения соответствующих концепту, а затем попытаться определить этот концепт, если он не является семантическим примитивом. Мы предпочитаем второй способ, поскольку путь от фактов к концепту, по нашему мнению, представляется более удобным для читателя, чем обратное движение. По этой причине мы начинаем с демонстрации русских примеров (в принципе, примеры могут быть любыми), которые, как мы полагаем, дают определенное представление об основных формально-синтаксических типах таксисных конструкций.

Можно думать, что во всех славянских языках встречаются предложения, эквивалентные по смыслу следующим русским предложениям (при этом можно ожидать, хотя это и необязательно, и совпадения представленных формально-синтаксических типов, и появления других формально-синтаксических типов таксисных конструкций):

- (1) Когда Петя завтракал, он слушал музыку.
- (2) Завтракая, Петя слушал музыку.
- (3) Во время завтрака Петя слушал музыку.

С формальной точки зрения пример (1) представляет собой сложноподчиненное предложение (СПП), в котором придаточное предложение традиционно характеризуется как временное. Пример (2) представляет собой предложение, осложненное деепричастным оборотом (ОП), который в данном случае представлен одиночным деепричастием НСВ. Что касается примера (3), то это простое предложение (ПП), в состав которого входит обстоятельство времени. Вместе с тем во всех этих примерах две предикации, одни и те же знаменательные лексемы, и они выражают один и тот же смысл: две предикации происходят одновременно. При этом во всех примерах, несмотря на разное формально-синтаксическое оформление, одна и та же (зависимая) предикация формально подчинена другой (основной) предикации. Финитный глагол основной предикации (*Петя слушал музыку*) обозначает абсолютную временную локализацию по отношению ко времени речи (предикация локализуется до времени речи), в то время как зависимая предикация (*Петя завтракал*) обозначает относительную временную локализацию, а именно одновременность с основной предикацией. В первом примере мар-

кером относительной временной локализации служит союз *когда* вместе с финитной формой глагола прошедшего времени НСВ, которая, не утрачивая способности обозначать абсолютную временную локализацию, под воздействием союза вместе с ним начинает обозначать одновременность с основной предикацией. В примере (2) деепричастие НСВ выражает одновременность с основной ситуацией в полном соответствии со своей типовой функцией. В примере (3) относительную временную локализацию маркирует обстоятельство времени; оно представлено отглагольным именем, которое вводится предлогом, маркирующим одновременность этой зависимой предикации с основной предикацией.

Из сказанного следуют те два условия, которые необходимы и достаточны, чтобы конструкция была таксисной. Во-первых, конструкция должна включать как минимум две предикации (в принципе предикаций может быть больше двух). Во-вторых, одна (основная) предикация обозначает абсолютную временную локализацию относительно времени речи, тогда как вторая (зависимая) предикация обозначает временную локализацию относительно основной предикации (хотя параллельно может обозначать и абсолютную временную локализацию относительно времени речи).

Теперь у нас есть все основания для того, чтобы сформулировать определение категории таксиса. Мы предлагаем определять таксис как функционально-семантическую категорию, которая реализуется в бипредикативных (и шире, полипредикативных) конструкциях, где грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность/неодновременность: предшествование, следование) одной предикации (ситуации) P_1 относительно другой предикации (ситуации) P_2 , чья временная локализация характеризуется относительно момента речи, т. е. независимо от какой-либо еще предикации (ситуации) P_n . Если конкретные таксисные значения маркируются лишь с помощью тех или иных специализированных глагольных форм, то в этом и только в этом случае можно говорить о таксисе как о нешифтерной грамматической категории глагола.

По мнению И. А. Мельчука, содержательно таксис (относительное время) соотносится с категориями *абсолютное время* и *временная дистанция*, которые составляют триаду основных грамматических категорий, обозначающих временные координаты, или указывающих на временную локализацию некоторой предикации (ситуации) P_n [Мельчук 1998]⁴.

⁴ Таксису как грамматической категории глагола посвящена в достаточной мере формализованная и содержательная кандидатская диссертация

К сказанному необходимо добавить следующее. Говоря о трех таксисных значениях, мы отнюдь не считаем значения предшествования, одновременности и следования далее не делимыми семантическими сущностями, которые необходимы и достаточны для адекватной характеристики категории таксиса и тех форм, с помощью которых эта категория выражается в языке. С нашей точки зрения, возможна и необходима дальнейшая субкатегоризация этих значений.

В случае предшествования синтаксически зависимая таксисная (нефинитная или финитная) форма обозначает ситуацию P_1 , которая ориентирована относительно хронологически следующей за ней ситуации P_2 , выражаемой опорной, синтаксически независимой (стандартно — финитной) глагольной формой. Очевидно, с хронологической точки зрения существуют три логические возможности следования ситуации P_2 за ситуацией P_1 . Первая возможность: ситуация P_2 следует за ситуацией P_1 , прерывая ее (прерываемое предшествование). Иначе говоря, ситуация P_1 перестает иметь место под воздействием возникшей ситуации P_2 , а не прекращается естественным образом: *Переходя:IPFV улицу, мальчик упал:PFV*. Вторая возможность: ситуация P_2 следует непосредственно за ситуацией P_1 после ее естественного завершения (контактное предшествование): *Как только Петя вышел:PFV из комнаты, Маша (тут же) включила:PFV телевизор*. Третья возможность: ситуация P_2 следует за ситуацией P_1 через какой-то интервал после ее естественного завершения (дистантное предшествование): *Через два часа после того, как Петя ушел:PFV, Маша включила:PFV телевизор*. В случае одновременности синтаксически зависимая таксисная (нефинитная или финитная) форма обозначает ситуацию P_1 , которая ориентирована относительно хронологически одновременной с ней ситуации P_2 , выражаемой опорной, синтаксически независимой (стандартно — финитной) глагольной формой. Очевидно, с хронологической точки зрения существуют три логические возможности одновременного существования ситуаций P_1 и P_2 . Первая возможность: ситуация P_1 занимает тот же временной период, что и ситуация P_2 (полная одновременность): *Когда Петя делал:IPFV уроки, Маша читала:IPFV книгу*. Вторая возможность: си-

Н. А. Муравьева «Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология», написанная под руководством В. А. Плуногяна и успешно защищенная в 2017 г. [Муравьев 2017]. Однако если следовать логике этой работы, в славянских языках к категории таксиса фактически относятся только такие бипредикативные конструкции, в которых ситуация P_2 выражается финитным глаголом, а ситуация P_1 выражается деепричастием, что в значительной степени обедняет и искажает реальное положение вещей.

туация P_2 локализуется в рамках временного периода, занимаемого ситуацией P_1 (неполная одновременность₁): *Когда Петя делал:IPFV уроки, в комнату вошла:PFV Машиа*. Третья возможность: ситуация P_1 локализуется в рамках временного периода, занимаемого ситуацией P_2 (неполная одновременность₂): *Когда в комнату вошла:PFV Машиа, Петя делал:IPFV уроки*. В случае следования синтаксически зависящая таксисная (нефинитная или финитная) форма обозначает ситуацию P_1 , которая ориентирована относительно хронологически предшествующей ей ситуации P_2 , выражаемой опорной, как правило синтаксически независимой (стандартно — финитной), глагольной формой. Можно думать, что с хронологической точки зрения существуют три логические возможности следования ситуации P_1 за ситуацией P_2 . Первая возможность: ситуация P_1 следует за ситуацией P_2 , прерывая ее (прерывающее следование). Иначе говоря, ситуация P_2 перестает иметь место под воздействием ситуации P_1 , а не прекращается естественным образом: *Петя делал:IPFV уроки, пока не пришла:PFV Машиа*. Вторая возможность: ситуация P_1 следует непосредственно за ситуацией P_2 после ее естественного завершения (контактное следование): *Перед тем как Машиа ушла:PFV, пришел:PFV Петя*. Третья возможность: ситуация P_1 следует за ситуацией P_2 через какой-то интервал после ее естественного завершения (дистантное следование): *За два дня до того, как Петя уехал:PFV, он получил:PFV письмо от Машии*.

Если согласиться с приведенным рассуждением, то для адекватной характеристики и таксиса предшествования, и таксиса одновременности, и таксиса следования нужно учитывать один параметр, который принимает три значения. В случае таксиса предшествования и таксиса следования эти значения, грубо говоря, характеризуют все логические возможности следования двух ситуаций друг за другом на хронологической оси, а в случае таксиса одновременности эти значения характеризуют все логические возможности заполнения двумя ситуациями одного периода времени.

Все выделенные частные таксисные значения (всего их девять) удобно представить на следующей шкале, которая строится на базе презумпции, что соседние значения на этой шкале связаны семантическими мостиками и наиболее близки друг другу:

дист.	конт.	прер.	неполн. ₁	полн.	неполн. ₂	прер.	конт.	дист.
предшествование			одновременность			следование		

Эта шкала заимствована из работы [Храковский (ред.) 2009]; ср. [Мальчуков 2001]. Заметим, однако, что, принимая постулат, в соот-